

Категория субъекта и эгоцентрическая грамматическая техника в художественном тексте¹

1. Синтаксическая специфика *Я модусного субъекта* состоит в том, что в диктальной части предложения оно не должно быть выражено, для него нет собственной синтаксической позиции, *Я модусного субъекта* остается «за кадром», его наличие само собой разумеется. Г.Г. Шпет в работе 1916 г. писал: «каждое суждение сопровождается *implicite* некоторой мысленной прибавкой: «я вижу, что..., я слышал, нашел, уверен, сомневаюсь, рад» и пр., и пр. Т.е. речь идет или о т.н. модальности, или просто о «моем» отношении к чему-то, что констатируется безотносительно ко мне, в чем я, имрек, до специального вопроса о моем отношении к этому, просто «не участвую»» [Шпет 1994: 56]. И далее, дискутируя с представителями трансцендентной метафизики и отстаивая субстанциальность Я, Шпет говорит: «Но допустим, что имреку ... *кажется*..., и ограничимся только сферой того, что *кажется*. Опять-таки, что именно *кажется*, оставим, – может быть, оно подвержено сомнению, но факт, что *кажется*, неустраим, – не ясно ли тогда, что это «*кажется*» соотносительно я, и что последнее так же несомненно, как самый процесс «*кажется*»?» [там же: 57]. Так устанавливается связь между ментальным процессом, модусом, и его владельцем. Ср. также знаменитое *Cogito ergo sum* Рене Декарта.

Любое высказывание соединяет сферу субъекта диктума (не-Я, т.е. сферу 3-го лица) и сферу субъекта модуса (сферу Я, т.е. 1-го лица). Расстояние между этими двумя субъектными сферами может увеличиваться за счет умножения субъектных ролей: две диктальных – субъект базовой модели и субъект-каузатор; три модусных – субъект сознания (тот, кому принадлежит мысль), субъект речи (Я) и субъект восприятия речи (Ты). Соединение на одной оси пяти субъектных ролей (и соответственно пяти субъектных сфер) было названо моделью субъектной перспективы высказывания и текста [Онипенко 1994; Золотова и др. 2004]. Для каждого конкретного высказывания возможно свое соотношение между модусными и диктальными субъектными сферами. Разные варианты соотношения модусных и диктальных субъектных сфер (их совпадение/несовпадение, включение/исключение) организуют сложное субъектное пространство текста, а модель субъектной перспективы позволяет увидеть **грамматику точки зрения**, или то, что принято называть прагматикой.

Словарь (лексикон) содержит наивную картину мира, она антропоцентрична; соответственно словарь антропоцентричен, но не эгоцентричен²; грамматика же, организуя лексические единицы в речевой поток, соединяет «ничью» лексику с определенным Я, диктальные компоненты с модусом конкретного говорящего.

Модель субъектной перспективы включает в себя не только набор субъектных сфер (ролей), но и, во-первых, действие категории лица как между модусом и диктумом, так и внутри модуса, и, во-вторых, типологию модусов: в сфере авторизатора (сфере непосредственного владельца информации) различаются (1) субъект восприятия, (2) субъект знания и мнения, (3) субъект воли, (4) субъект эмоции, а также (5) субъект речи, не совпадающий с Я говорящего. В канонической ситуации функции субъекта речи и субъекта сознания соединяются. Это значит, что Я говорящего одновременно является субъектом восприятия, или знания и мнения, или воли, или эмоции. Но существуют такие речевые ситуации, в которых эти модусы принадлежат другому (другим), что обнаруживается внутри модусной рамки категорией лица (как морфологической, так и синтаксической): *я думаю, что... - он думает, что...; я думал..., что... - он думал, что...; по-моему – по-твоему; по моему*

1 Предлагаемая статья, в отличие от статьи, опубликованной в томе II «Gramatyka a Tekst» (2009), посвящена не типологии диктальных субъектов, а отношениям субъектов диктума и субъектов модуса.

2 Ср. у И. Бродского «языка безадресная искренность».

мнению – по его мнению. Функционируя внутри модусной структуры, категория лица создает основу для увеличения субъектной перспективы конкретного высказывания, в отличие от категории лица, действующей между субъектными сферами модуса и диктума, поскольку в этом случае исходным вариантом является несовпадение субъекта действия и субъекта речи; первое лицо, выражая кореферентность субъектных сфер, не уменьшает субъектную перспективу. Исключением являются предикаты внутреннего состояния (*весело, скучно, зябко*), соединяющие диктальную семантику (психическое или физическое состояние) и модусную (ощущение), что делает предикаты внутреннего состояния Я-предикатами.

«Склонность» модусного Я к имплицитности объясняет существование эгоцентрической грамматической техники — использования «значимого отсутствия» для указания на говорящего. Обнаружение Я посредством «значимого отсутствия» возможно, если (1) внутрисинтаксическая позиция есть, не занята, но может быть занята (*Вокруг было тихо = вокруг меня; В ухе стреляет = в моем ухе*), (2) внутрисинтаксическая позиция есть, не занята, но если ее занять, высказывание изменяет значение (*В дверь Ø послушали ≠ Они постучали; В шкафу Ø старые вещи ≠ В шкафу есть старые вещи*)³; (3) внутрисинтаксической позиции нет, она вытеснена «за кадр», это значит, есть внешнесинтаксическая позиция (*С пристани раздался гудок = я услышал, но, возможно, не только я*); в семантической структуре глагола субъектный компонент (наблюдатель) есть, но не может быть выражен внутри предложения, а обнаруживается в тексте: «Однажды, в студеную зимнюю пору, Я из лесу вышел; <...> «Откуда дровишки?— «Из лесу, вестимо; Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». (В лесу раздавался топор дровосека.)» (Некрасов)

Эти случаи различают терминологически: (1) первичный дейксис (Ю.Д. Апресян) — в речевой ситуации, анафора, эллипсис применительно к нарративному тексту или вторичный дейксис; (2) нулевой знак, синтаксический нуль (Т.В. Булыгина); (3) ранг «За кадром» (Е.В. Падучева).

В рамках художественного третьеличного нарратива «незамещенные позиции» выражают совпадение субъекта диктума и субъекта модуса, что возможно лишь при делении модуса на сферу субъекта мыслящего и сферу субъекта говорящего (пишущего). Субъектная перспектива увеличивается: субъектом сознания является герой, а субъектом речи автор-повествователь (рассказчик); см., например:

«Были Ø (ему) страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборе, и далекий пламень в костопальном заводе. Сзади Ø (его) послышался вздох. Андрей Ефимыч оглянулся и увидел человека с блестящими звездами и с орденами на груди, который улыбался и лукаво подмигивал Ø (ему) глазом. И это показалось Ø (ему) страшным» (Чехов, Палата № 6).

Внутренняя точка зрения героя (хотя в «Палате № 6» есть и рассказчик) обнаруживается посредством отсутствия местоимений, это значит не только то, что «незамещенные позиции» **местоименны**, но и то, что первым претендентом на незанятую позицию становится субъект модуса, в данном эта субъектная сфера занята героем — доктором Рагиным.

Соединение сфер автора и героев (хотя бы во времени и пространстве) может осуществляться в абсолютном начале текста. Напомню многократно обсуждавшееся начало «Пиковой дамы»: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно: сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом, прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но

3 Без возможности отнесения к предтексту незанятая позиция читается в связи с Я модусного субъекта (1) при словах дейктической (шифтерной) семантики, например, пространственной: *вдали Ø* (вдали от меня) — *вдали от дома; рядом Ø* (рядом со мной) — *рядом с домом* [Апресян (1986) 1995] —; (2) при «реляционных именах» (выражающих отношения между людьми – *муж, жена, брат, друг, однофамилец*) [Шмелев А.Д. 1998]; (3) при словах, называющих части человеческого тела (*голова болит, зуб ноет, в ухе звенит* – у меня; но: *У бабушки голова болит*).

шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нем участие». Известно наблюдение В.В. Виноградова, который считал, что «начало повести ... повторением неопределенно-личных форм – *играли, сели ужинать* – создает иллюзию включенности автора в это общество. К такому пониманию побуждает и порядок слов, в котором выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие". В.В. Виноградов рассматривал отсутствие подлежащего как знак сопричастности рассказчика происходящему, знак «субъективной заинтересованности», как «**почти** рождающее образ мы», поскольку только «в конце первой главы происходит открытое сошествие автора в изображаемый им мир» [Виноградов (1936) 1981, 204-205]. В.В. Виноградов обратил внимание на то, что при изменении порядка слов «субъективное сопереживание» уступает место «объективному констатированию факта» («при такой расстановке слов: «Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты») [с. 204]. Из этого следует, что односоставные предложения являются одним из способов обнаружения Я модусного субъекта.

Итак, эгоцентрическая техника — это использование «значимого отсутствия», а эгоцентрические элементы — это слова, словоформы и конструкции, которые без местоимения Я и аффиксов 1-го лица читаются в связи с Я-модусной рамкой, обнаруживают субъектную прикрепленность высказывания. И для одних эгоцентрических элементов принадлежность сфере модусного субъекта является единственно возможной (вводные *наверное, по-видимому, конечно*), для других — одной из возможных (*как мне кажется — как ему казалось*). Именно во втором случае очевидным становится действие эгоцентрической техники (*как казалось, как кажется* = мне).

Абсолютными (принадлежащими только Я) эгоцентриками являются междометные высказывания (в терминологии Л. Теньера – «фразоиды», «разовые» высказывания – по В.Г. Адмони), а также экспрессивные средства выражения согласия/несогласия («фразеохемы» типа *Куда ему деть?* – по Д.Н. Шмелеву). В.Н. Волошинов [Волошинов (1929) 1993], обсуждая проблему передачи чужого слова, отметил, что есть слова, которые «не вполне гармонируют с аналитической душой косвенной речи» [139-140], что «чужое высказывание» может быть «неразложимым, неизменным и непроницаемым» [138], и тогда эти речевые элементы возможны только в «шаблоне прямой речи», иными словами (в другой терминологии) могут принадлежать только Я-модусу, быть ситуативно обусловленными. Ср. у Е.В. Падучевой «неподчиняемость как синтаксический тест, который выявляет первичную эгоцентричность» [Падучева 1996: 298-299]. Абсолютные эгоцентрики не имеют грамматической парадигмы ни по одной из предикативных категорий, поскольку принадлежат только данному говорящему и всегда локализованы во времени его речи. Для этих средств грамматическая эгоцентрическая техника не нужна.

2. Из истории описания эгоцентрических элементов в русском языке: (1) Е.В. Падучева разделила эгоцентрические элементы языка на те, которые связаны с субъектом дейксиса, и те, которые связаны с субъектом сознания и речи. С субъектом дейксиса связаны местоимения и пространственные предлоги/наречия (*мимо, впереди, вдали, справа*). Субъекта сознания и речи обнаруживают метатекстовые вводные слова и модальные частицы (*конечно, например, якобы*); «предикаты внутреннего состояния», функционирующие как вводные (*к счастью, видно, должно быть*); предикаты сходства и подобия (*напоминает*); показатели идентификации (*не кто иной как, тот самый*); слова со значением неожиданности (*вдруг*); неопределенные местоимения; обобщающие «врезки» (*как часто бывает, вообще*) и слова с оценочным значением [Падучева 1996: 276-284]. (2) Позже Е.В. Падучева различит первичные и вторичные эгоцентрики — в соответствии с тем, изменяется или не изменяется значение слова при переходе от речевого режима интерпретации к нарративному [Падучева 1996: 269; 2006]. (3) Особое внимание было уделено фигуре наблюдателя. Наблюдатель был определен как «нулевой знак с дейктическим значением», а прототипический Наблюдателя как «участник ситуации, который имеет семантическую роль субъекта восприятия (Эксперимент), но не отражен на синтаксическом

уровне: он входит в актантную структуру глагола, но в диатезе имеет ранг «За кадром» [Падучева 2006: 403-404]. (4) Глаголы с «врожденным наблюдателем» отнесены к эгоцентрикам: (а) глаголы со значением прибытия и удаления из поля зрения (*появиться, исчезнуть, пропасть*); (б) глаголы перемещения сквозь преграду (в производных значениях) (*высунуться, проступить, выступить, выглянуть, проглядывать*); (в) глаголы с наблюдателем, мимо которого проходит траектория движущегося предмета (*скользнуть, проскользнуть, мелькать, промелькнуть*); (г) глаголы пространственного расположения, ориентированного на наблюдателя (*развернуться, раскинуться, расстилаться*); (д) глаголы испускания запаха, звука, света (*пахнуть, звучать, светиться*); (е) глаголы, обозначающие наблюдаемый признак предмета: цвет (*белеть, чернеть*), форму (*маячить, торчать*), звучание (*раздаваться*), а также слова типа *реять* [Падучева 2004, с.213-214].

В списки эгоцентрических слов (по Е.В. Падучевой) попадают прежде всего слова с субъектом «За кадром», исключение составляют пространственные предлоги/наречия (*мимо, ядром, вдали*). Нас же интересуют те синтаксические структуры, в рамках которых применима техника «значимого отсутствия» в связи с внутрисинтаксическими позициями, т.е. синтаксические нули, в широком смысле этого слова: **дейктические** (определенно-личность) и **кванторные** (неопределенно-личность и обобщенно-личность)⁴. Дейктические нули выражают **совпадение** субъекта модуса и субъекта диктума, кванторные — **исключенность** субъекта модуса их состава субъектов диктума (неопределенно-личность) и **включенность** субъекта модуса в состав субъектов диктума (обобщенно-личность); первые — отождествляющие, вторые — включающие и исключающие⁵

3. При исследовании эгоцентрических элементов на фоне субъектной перспективы следует иметь в виду возможные синтаксические позиции Я модусного субъекта, в рамках которых может использоваться «техника нуля».

Синтаксических позиций, возможных для Я модусного субъекта, пять:

Внешнесинтаксические (внепредложенческие):

- (1) рамочная позиция в сложном предложении (*Я считаю, что... Очевидно, что...*)
- (2) вводная, или парентетическая, позиция (*по-моему; как мне кажется*),

Внутрисинтаксические:

- (3) в составе модусно осложненного предиката (*Я считаю его вполне благоразумным; Мне грустно потому, что я тебя люблю*),
- (4) неприсловная, приосновная (детерминант) позиция модусной субъектной синтаксемы (*Для меня в этом мире есть только...*)
- (5) присловный компонент словосочетания (при словах релятивной семантики — *в моей душе покоя нет...*);

Для всех позиций субъекта модуса возможна полная личная парадигма (*Я считаю, ты считаешь, что...; с моей точки зрения, с его точки зрения; Мне/ему она кажется умной; для меня, для матери; в моей душе/ в его душе*). Парадигматические ограничения связаны с семантикой конкретных модусных предикатов (*думается — мне; считается — не мною*⁶) и с

4 Поскольку «синтаксические нули» местоименны, логичным становится использование терминов, применяемых для интерпретации семантики местоимений: принято говорить о местоимениях дейктических, анафорических и кванторных. Дейктические и анафорические местоимения можно соединить в один класс по их общей функции — отождествляющей.

5 За рамками проблемы эгоцентризма оказываются еще два типа «синтаксических нулей»: **таксисные** - в полупредикативных оборотах (отождествляющие) и **лексико-семантические** — в словосочетании (абсолютивация, контекстуальная субстантивация).

6 Н.Д. Арутюнова, обсуждая различия между глаголами *считается* и *думается*, говорит об «объективации, или имперсонализации», применительно к первому глаголу, в отличие от второго, который «употребляется только в отнесенности к лицу говорящего»; *думается* имеет ограничения: не допускает отрицания и не употребляется в будущем времени [Арутюнова 1988: 109]. С другой стороны, Н.Д. Арутюнова вводит понятие «нейтрального модуса», для которого возможна полная парадигма по лицу; отсутствие субъектного показателя интерпретируется Н.Д. Арутюновой либо в связи с говорящим, либо «в значении солидарности с адресатом»; наличие субъектного показателя (*ему жаль, мне известно*) квалифицируется как «субъективизация модуса» [там же: 110]. «Субъективированный и нейтральный по форме модусы пересекаются

семантикой именных субъектных синтаксем (*Для + Род.* субъекта мнения — полная парадигма; *У + Род.* субъекта речи — преимущественно 3-е лицо: *У злой Натальи все люди каналы; У сильного всегда бессильный виноват*; ср.: *??У меня все вокруг глупые* — в значении «я так всегда говорю»).

Рассмотрим подробнее примеры с отсутствием субъектных модусных синтаксем в неприсловной позиции (детерминанта). Речь пойдет о бытийных предложениях, для которых «локализатор» признается обязательным компонентом синтаксической структуры.

В бытийных предложениях при описании семантики «у-локализатора» формы «У+Род». противопоставляют словоформам «Для + род.» [Арутюнова, Ширяев, 1983]. Наличие в бытийном предложении форм «Для + род.» превращает бытийное предложение в субъективное мнение: «*Не в одной этой комнате, но во всем мире для него существовали только он, получивший для себя огромное значение и важность, и она*». (Л.Толстой).

Однако при описании бытийных предложений обычно не рассматриваются те случаи, когда можно говорить о значимом отсутствии форм *Для+Род.*, а такие примеры мы найдем в поэзии, где они отражают субъективное видение мира, например, лирического Я, см., например в стихотворении А.Фета:

«Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.»

В каждом из предложений может быть восстановлена форма *для меня*. Стихотворение прочитывается в связи с Я наблюдателя, при этом мир становится все меньше и меньше (клёны и взор девушки видны с большого расстояния, для восприятия запаха и взгляда на склоненную голову девушки расстояние должно быть меньшим). Субъективизм усиливается ограничительной частицей *только ... и...*

Ср. также у И.Бродского в стихотворении «Посвящение», которое обращено к читателю:

Ты для меня не существуешь; я
в глазах твоих -- кириллица, названья...

Для Я Бродского читатель не существует: *для + Род.* выражает субъекта мнения, как и словосочетание *в твоих глазах*. Отсутствие *для + род.* здесь невозможно, поскольку речь идет об особенностях творчества только этого поэта, о месте читателя в сознании и творчестве И.Бродского:

«Ни ты, читатель, ни ультрамарин
за шторой, ни коричневая мебель,
<...>
к тому, что у меня из-под пера
стремится, не имеет отношения.
Ты для меня не существуешь...»

Отсутствие *для меня* в этом контексте невозможно еще и потому, что Я оказывается в альтернативном контексте: *для меня* — ты, но и Я — в твоих глазах.

Иное дело в последней строфе стихотворения «Декабрь во Флоренции»:

«Есть города, в которые нет возврата.
Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала. То
есть, в них не проникнешь ни за какое золото.

по таким параметрам, как атрибуция говорящему лицу и «другому», истинностная оценка в момент речи и в прошлом, способность/неспособность занимать вводную позицию, согласие/несогласие говорящего с субъектом суждения» [Там же: 110].

сказать нельзя.

Как же прочитывается нуль субъекта в каждом из этих предложений?

Два предложения в абсолютном начале соединяют субъекта действия (Клеопатру) и субъекта модуса (мыслящего и говорящего). В предложении (8) речь идет о триумфаторе, а значит, об Августе, в предложении (10) – о врагах, безликой и враждебной силе. Каждый из этих синтаксических нулей обнаруживает особую субъектную перспективу, особую соотнесенность с героиней.

Предложения (1), (2), занимая текстово сильную позицию (абсолютное начала), предъявляют субъекта модуса, т.е. того, чье сознание соединяет все эти события. Первым претендентом на эту роль оказывается сама героиня. Это не означает, что в первых двух предложениях следует восстанавливать местоимение Я. Предложения с акциональными глаголами без подлежащих в абсолютном начале текста задают внутритекстовую позицию говорящего, максимально сближают субъекта диктума и субъекта модуса, обнаруживают внутреннюю точку зрения.

Отсутствие подлежащего в абсолютном начале текста сокращает расстояние между субъектом действия и субъектом речи за счет сферы субъекта сознания (того, кому принадлежат мысли): в ней-то и сближаются мысли и чувства героини и мысли и чувства автора. Автор, проникнув во внутренний мир героини, смотрит на происходящее ее глазами. Доказательством этого является не только отсутствие субъектных синтаксем в предложении (8) и (10), но и отсутствие родительного субъекта (посессора) или притяжательных местоимений при словах, выражающих социальные или родственные отношения (*слуги, дети*). Кроме того, глагол *предали* употреблен без винит. падежа объекта. Первым претендентом и на этот нуль является субъект модуса. Нули при словах, обозначающих части тела (*шея, грудь, рука*) могут обозначать как внутренний контроль (царица Египта должна уйти из жизни с достоинством, спокойно), так и внешний взгляд сопresentствующего наблюдателя. В предложении (10) неопределенно-личная форма глагола обнаруживает дистанцию⁷ между героиней и теми, кто закует ее детей, а в предложении (8) своеобразная фигура умолчания – имя Августа не называется, поскольку для обоих участников диалога он высшая и страшная, карающая власть.

В пользу внутренней точки зрения говорят и переключки с «Реквиемом»: «Муж в могиле, сын в тюрьме»; «Кидалась в ноги палачу»; «Мне все равно теперь»; «У меня сегодня много дела». И вот именно слово *дело* можно считать ключевым для интерпретации общей композиции этого стихотворения: Клеопатра, уже решившая собственную судьбу (Ср.: «**уж** мой измерен; Моя судьба **уж** решена»), по-деловому распоряжается оставшейся жизнью. Это стихотворение – список дел Клеопатры, которые она должна сделать на этом свете. Поэтому происходящие события соединяются именно в голове Клеопатры, как бы расположившись на разных строчках записной книжки в качестве пунктов плана⁸, около

7 См. у Т.В. Булыгиной: «...использование неопределенно-личных предложений всегда связано с одним и тем же значением «отчуждения» от субъекта предложения – в том смысле, что субъект неопределенно-личного предложения никогда не находится в фокусе эмпатии, ситуация никогда не описывается с его точки зрения» [Булыгина 1990, 116-117].

8 Эта интерпретация предлагается слушателям моих лекций в течение уже десяти с лишним лет, но совсем недавно я познакомилась с докладом Ирины Сандомирской, в котором дается близкое толкование ахматовской «Клеопатры»: «Как всякая хозяйка, Клеопатра пересматривает свою жизнь как дело: какие-то дела уже сделаны, но остается кое-что, что еще надо сделать, и что будет сделано в свой черед. Перед лицом катастрофы-конца, Клеопатра занята поддержанием порядка и очередности повседневных рутин. Так хозяйка планирует день, сверяясь со списком дел: "отнести белье в прачечную" -- уже отнесла, вычеркиваем. "Вывести мусор" -- уже вынесла, вычеркиваем. "Заплатить по счетам" -- заплатила, вычеркиваем. Женская судьба предстает перед читателем в виде универсального каталога, списка необходимых, рутинных, докучных, но неизбежных дел: "целовать мертвые губы Антония" -- уже целовала, вычеркиваем. "Лить слезы на коленях перед Августом" -- уже лила, вычеркиваем. Уже» (<http://www.owl.ru/avangard/vremyazhenskogoe.html>) . Я благодарю Л. Панову, которая прислала мне текст статьи И. Сандомирской.

которых она «ставит галочки». Между событиями нет внутренней, причинно-следственной связи, они связаны как бы планом Клеопатры (в рамках замысла автора), ее взглядом на происходящее, ее переживанием времени (в терминологии В.В. Виноградова, ее «психологическим временем»). Клеопатра уходит из жизни с достоинством, по-царски, спокойно. Под сюжетное взаимодействие можно подвести только связь действий героев в актуальном настоящем – *входит и шепчет, но спокоен наклон*. Однако это причинно-следственное и временное взаимодействие обнаруживается не динамическими (аористными) формами совершенного вида, а синтаксической связью – союзами. Кроме того, если учесть еще один союз И (*и входит, и шепчет*), то внутренняя связь предикатов становится слабее, синтаксическая структура становится монотонной, теряется сюжетная перспектива, нет напряженного ожидания.

Последние четыре предложения могут быть прочитаны как внутренняя речь героини. Во-первых, потому что в предложении (10) два синтаксических нуля: неназванный субъект действия (неопределенно-личный) и неназванный субъект родственных отношений (чьи дети). Подобное высказывание может принадлежать только тому, для кого это единственные дети, его (ее) дети. Во-вторых, потому, что в предложении (10) слышится голос женщины, решившей свою судьбу, равнодушной к событиям в этом мире, даже к судьбе детей. В третьих, потому, что «О, как мало осталось Ей дела на свете...» прочитывается только с точки зрения женщины, которая знает слово «надо»; ср. «У меня сегодня **много дела**: Надо память до конца убить, Надо, чтоб душа окаменела, Надо снова научиться жить». Глагол *осталось* в соединении с инфинитивом толкуется словарями как «следует лишь, надо лишь» [Словарь...1982, 655]: *осталось пошутить, осталось положить*.

В стихотворении Ахматовой «Клеопатра» многое может читаться неоднозначно: *дело, мужик, еще, пошутить*. Но самое интересное – это *прощальная жалость*, поскольку словообразовательно обе лексемы имеют двойную мотивацию: *простить/прощать* и *процаться* → *прощальная*; *жалеть* и *жалить* → *жалость*. При этом участниц события две: Клеопатра и змея. Кто кого жалеет, кто с кем прощается? Кроме того, это словосочетание вводится сравнительно-модальным *как будто*. Это значит, что в действительности чего-то нет: нет жалости к змее? Нет прощания? Нет прощения? Если опереться на подсказку Шекспира (Клеопатра сравнивает змею с ребенком), то *прощальную жалость* прочитывается как *прощальный жест* и последнее проявление любви (глагол *жалеть* в диалектах имеет значение «любить»), а также, может быть, и просьба о прощении, адресатом которых являются дети. Думается, что не стоит выбирать одну единственную интерпретацию. Художественный текст тем и хорош, что допускает множественность интерпретаций, и одним из средств умножения возможных интерпретаций оказывается «значимое отсутствие» — эгоцентрическая грамматическая техника, позволяющая читателю соединять свое Я с Я лирического героя.

Литература

- Адамец П., 1990: К вопросу о "незамещенных позициях" в русских высказываниях // Русистика. № 1.
- Адамец П., 1995: Семантическая интерпретация "значимых нулей" в русских предложениях // Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию. М.
- Адмони В.Г., 1994: Система форм речевого высказывания. СПб.
- Апресян Ю.Д., 1995: Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира// Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. М.
- Арутюнова Н.Д., 1988: Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н., 1983: Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.
- Бройтман С.Н., 2008: Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.
- Булыгина Т.В., 1990: Я, ты и другие в русском синтаксисе (нулевые местоимения: референция и прагматика) // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова (1919–1986). М.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., 1997: Языковая концептуализация мира (на материале русской грамма

- тики). М.
- Бюлер К., 1998: Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.
- Вежбицка А., 1977: Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.
- Виноградов В.В., 1981: Стиль «Пиковой дамы» // В.В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М..
- Волошинов В.Н. (1929), 1993: Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю., 2004: Коммуникативная грамматика русского языка. М.
- Мельчук И.А., 1974: О синтаксическом нуле. // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л.
- Онипенко Н.К., 1994: Идея субъектной перспективы в грамматике // "Русистика сегодня". № 3., М.
- Падучева Е.В., 1996: Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.
- Падучева Е.В., 2004: Динамические модели в семантике лексики. М.
- Падучева Е.В., 2006: Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции ДИАЛОГ. М., с. 403 — 413.
- Полухина В. 1998: Поэтический автопортрет Бродского // Бродский И. Творчество, личность, судьба. СПб.
- Ружичка Р., 1986: Функционирование и классификация пустых категорий в русском литературном языке. // Zeitschrift für Slavistik. 1986. Vol.31.
- Сандакова М.В., 1990: Релятивы в лексике русского языка. АКД. М.
- Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 2-е, М., 1982, Т.2
- Теньер Л., 1988: Основы структурного синтаксиса. М.
- Теория... 1992: Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность. СПб.
- Тестелец Г.Я., 2001: Введение в общий синтаксис (Гл. 5-я). М.
- Успенский Б. А., 2007: Ego loquens: Язык и коммуникативное пространство. М.
- Шелякин М.А., 2005: Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. М.
- Шмелев Д.Н., 1976: Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.
- Шмелев А.Д., 1998: Типы «нев्यраженных валентностей». // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.
- Шмелева Т.В., 1988: Модус и средства его выражения в высказывании. // Идиографические аспекты русской грамматики. М.
- Шмелева Т.В., 1995: Субъективные аспекты русского высказывания. Диссертация в виде научного доклада. М.
- Шпет Г.Г., 1994: Сознание и его собственник. // Г.Г. Шпет. Философские этюды. М., 1994.
- Эвиденциальность... 2007: Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.
- Эткинд Е.Г., 1998: «Внутренний человек» и внешняя речь. М.